

околоКГБ

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Наталья Завершинская

Ссылка на публикацию

Тот день не задался с самого утра. Точнее, начало неприятностям было положено ещё накануне, когда мне на электронку пришло письмо от старого друга моего отца. О самом письме позже расскажу. Полночи перемывала

детские воспоминания, обдумывала жёсткий и хлёсткий ответ, не выспалась, а утром – ещё и на работе нервотрёпка. Вообще-то у нас замечательная компания, каждая из сотрудниц в своем деле – профи, на своем месте - незаменимая, общаться со всеми – удовольствие. Но вот организация у нас какая-то загадочная, прямо «чёрный ящик», в котором за время рабочего дня происходят необъяснимые трансформации. Входят в него замечательные женщины, дружный рабочий коллектив, а на выходе получается серпентарий.

В то утро наше верховное начальство очередной раз узнало о некоторых наших косяках, небольших и ни на что кроме размеров премий не влияющих. Как узнало? – вопрос. Будем считать, что само догадалось. Такие утечки у нас регулярно происходят. Походу кто-то из сотрудников один за всех премии получает. Ладно, переживём. Не первый раз и не последний. Сами виноваты, косяки не надо оставлять…

Так утешала я себя, после работы поднимаясь домой по лестнице. Соседка с третьего этажа как будто ждала, выглядывает в дверь:

- Тамара, запах чувствуешь? Эта шпана, Ванька мелкий, - указывает на дверь напротив, там не очень благополучная семейка живёт, сын у них «трудный подросток», - спайсы что ли курит…

Мне-то что до этого Ваньки? Яблочко от яблони. Такому дорога с рождения стеклотарой вымощена. Тут своих проблем выше крыши. Терпеть не могу эту бабку, да я ещё злая была и уставшая, захотелось её так отшить, чтоб не лезла больше. Говорю:

- Курят вейпы, а спайсы пьют. И не пахнут спайсы. И вообще, это их дело.

- Их дело?! Смотри, у тебя тоже дети, как бы завтра…

Я вприпрыжку к себе наверх, чтоб не дослушать.

Муж на работе, сын болтается где-то, дочка перед телевизором. Всё как обычно.

Скорее ответить на письмо и забыть. Вчера, когда получила его, даже не сразу поняла, от кого это. Сержуков Василий. Всплывает далёкое детское воспоминание: играем во дворе в индейцев, Димка Сержуков, долговязый и черномазый – бессменный исполнитель всех ролей Гойко Митича… Отец его – дядя Вася – друг моего отца. Точнее, семьями дружили. Долго дружили, потом они уехали куда-то. Все праздники, рыбалки, просто вечерние посиделки за чаем или с водочкой – дядя Вася всегда рядом был. Мне тогда лет восемь-десять было. Родителей нет давно. Письмо из прошлого. В первый момент даже

обрадовалась.

«Томочка, здравствуйте. Простите, что обращаюсь к вам через столько лет. Хотел написать Петру (это отец мой – прим.автора), но опоздал, к сожалению. Теперь кроме Господа Бога не перед кем повиниться. К счастью, узнал ваш электронный адрес…»

Как узнал, интересно? Читаю дальше. И начинает меня подташнивать буквально. Пишет дражайший дядя Вася, что был он отцу моему не просто другом, а приставлен был к нему, дабы контролировать, не болтает ли мой отец лишнего с друзьями за рюмочкой про свою работу. А работал папа на оборонном предприятии. Я и по сей день не знаю, чем он конкретно там занимался. Это в нашей семье было табу, даже спрашивать нельзя было. И вот оказывается, что этот, с позволения сказать, друг за ним не просто шпионил, а ещё и нарочно подпаивал, чтобы язык папе развязать. Я это помню, мама ругалась – вечно этот Васька с бутылкой в гости, ему что выходной что будни, так и спиться недолго… Только отец мой не из тех был, и меру свою знал, и язык где положено – за зубами.

А теперь… Совесть проснулась, понимаете ли. Поздно грехи замаливать, дядя Вася. Я за прошедшие сутки только утвердилась во мнении, что такую подлость нельзя прощать.

Отвечаю , что не зря все ненавидят стукачей. В детском садике, в школе, во дворе, в армии, да хоть на зоне - везде отношение к стукачам одинаковое. Как ни назови – КГБ, служба безопасности – всё одно, стукач он и есть стукач. И везде и всюду таких всегда били. Вот и на работе у меня, это просто мы не знаем кто, а то бы… Скинулись бы и унитаз отдельный поставили этому человеку. Пишу, удаляю, подбираю формулировки помягче, он человек возрастной всё-таки, наверно под восемьдесят уже, не хочу на свою совесть его инсульт вешать.

Написала, перечитала – отлично, даже вполне вежливо, и при этом моё отвращение сквозит в каждом слове. И папа согласился бы со мной, я уверена. Хотела нажать на отправку, но дочка отвлекла. Она сегодня вместо садика с сыном дома оставалась, в школе актировка, сороковник на улице был утром. Подходит и так загадочно начинает:

- Мама, угадай, где сейчас Максим?

- Неужто гуляет в такой мороз?

- Нет.

- К Валерке пошел.

- Нет.

- Ну и где же?

- Вот вы с папой всегда не разрешали, а он…

Ну вот, ещё одна! Не многовато ли для одного дня? Растёт в моём доме натуральная доносчица и ябеда. Никак не могу отучить. В школу пойдёт – никто дружить с ней не будет. Рассказала б ей про дядю Васю с его запоздалым раскаянием, да не поймёт пока.

- Полина, сколько раз тебе говорить? Вот придёт Максим домой, при нём и скажи, если важное что-то. А сейчас – даже слушать тебя не хочу.

- А если не придёт? А если они в космос улетели?

- Кто – они? В какой космос?

- Он к Ваньке пошел на третий этаж, сказал, что спейс – это значит космос…

Вот тут я узнала, что означает выражение «в глазах потемнело». Только и светится на черном фоне ехидный глаз соседки в дверном «глазке»… Она ж видела небось моего! Оттого и караулила под дверью, когда я с работы буду идти! Видела, а мне не сказала!

Дальнейшие события того вечера помню как в тумане. Сначала я, разумеется, бросилась на третий этаж и стала долбиться в дверь. Ни звонка ни домофона у них отродясь не было. Естественно, никто не открыл. Даже бабка-соседка на мой долбёж не выглянула. Но какой-то странный запах на лестнице действительно присутствовал. Я безграмотная в этих вопросах, какая дрянь как пахнет – понятия не имею. Звоню сыну на телефон… Абонент недоступен.

В полной прострации поднимаюсь домой. Звоню мужу. Что и как говорила – вообще не помню. Но он сразу примчался, хотя у них на работе раньше семи никто не уходит. Посадил перепуганную дочку на колени и говорит:

- Колись, Полянка, часто Макс туда таскается?

Дочка настороженно косится на меня.

- Часто…

- И как давно?

- Давно…

Сколько длится «давно» для шестилетнего ребёнка - догадайтесь попробуйте.

- И ты молчала, партизанка?!

Дочка логично спрашивает, что такое партизанка. Муж объясняет, до дочери доходит, до меня нет.

Потом он идёт на третий этаж. Его нет бесконечно долго. А я проваливаюсь в небытие, из которого меня выдёргивает дочка.

- Мама, так всё-таки я партизанка или ябеда?

Очень не вовремя она надумала определяться со статусом. Я совсем ничего не соображаю.

- Понимаешь, Полянка, если ты рассказываешь про какую-то мелочь, ну к примеру – конфетку или печеньку он взял без спроса, то это ябедничество. А если…

- А если шоколадку?

Удар по больному месту. В прошлом году она рассказала, что Макс сникерсы в магазине ворует. Мы с отцом были в шоке, долго ему объясняли – удовольствие на полчаса, а позор на всю оставшуюся жизнь… Вроде понял, но я до сих пор со страхом смотрю, если он идёт в направлении магазина. И, кстати, не припоминаю, чтобы мы в тот раз её ругали за ябедничество.

- Если в общественном месте, в магазине например, то про такое обязательно надо говорить. Потому что это уже не ябедничество, а предупреждение об опасной ситуации, которую нужно предотвратить.

- А если в школе? Или у Валерки дома?

- Он и там что-то… брал?! – взвываю я.

- Нет… не знаю… я так просто…

- Можно не говорить, только если у себя дома и какую-то мелочь.

- А мелочь – это сколько? Сто рублей – это мелочь?

Господи, ну зачем ты придумал, что жизнь так сложно устроена!!!

Непростой разговор прерывается явлением мужа с сыном. Макс нормальный. Адекватный. Зрачки обычные. Это всё, что я знаю по теме нарко- и токсикомании.

- Родителей нет дома, только дед вечно бухой, а эти двое сидят себе спокойно в телефонах. Но в квартире явно что-то жгли, воняет гадостью какой-то.

- Это до меня было, - слабо защищается Макс, - какие-то свечки, я не знаю, я ничего не жёг…

Дальнейшую беседу с сыном ведёт отец. Тут не эмоции мои нужны, а доводы здравого мужского рассудка. А у меня одна мысль: как дальше-то быть? Сын клянётся, что больше ни ногой… Но… Нет, а соседка-то какова, а? Видела – и не сказала…

- Она же не ябеда, - уверенно заступается усвоившая урок дочь.

Тихонько выхожу и спускаюсь на третий этаж. Звоню соседке. Она на пенсии, дома целыми днями, и любопытная – жуть. Самое то что надо.

- Татьяна, простите, я раздраженная была, нахамила вам. Будьте добры, если увидите, что мой охламон в эту дверь заходит… то уж скажите пожалуйста мне. Вы правы, не уследишь за этими детьми, да ещё и на работе целый день…

- Да я не видела ни разу. А то бы сразу сказала. За детьми глаз да глаз… Ладно, буду поглядывать…

Поднимаюсь домой. Аж самой смешно стало, ты ей ещё деньги предложи за шпионаж… Осталось только в карманах у сына порыться.

Кстати, последнее – дельная мысль.

Дома тишь да спокойствие. Мужики в гаджетах, дочка в телевизоре. Книжки в этой семье только я читаю.

Но и у меня компьютер включен зачем-то.

А… ПИСЬМО!!!

Какое счастье, что я его ещё не отправила…

Удивительно легко и быстро переписываю заново и отправляю.

«Дядя Вася, я знаю, что без фискальных органов не обходится ни одно государство. Это неприятная, некрасивая, но очень необходимая для безопасности страны работа. Мой папа никогда не забывал о своей ответственности, он спокойно доработал до пенсии, и ваша слежка ему ничем не навредила. Думаю, и вы всегда помнили свой долг и писали честные отчёты своему руководству. В таком случае вам не за что просить прощения, а мне не за что вас осуждать.

И я уверена, что папа согласился бы со мной».